

СООТНОШЕНИЕ ЛАКУН И СООТВЕТСТВИЙ В ПЕРЕДАЧЕ ВЕНГЕРСКИМ ЯЗЫКОМ РУССКИХ СУФФИКСАЛЬНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 23.

УДК 81'373.611+81'367.625

Виноградов А. Співвідношення лакун і відповідностей у передачі угорською мовою російських суфіксальних назв осіб; 12 стор., кількість бібліографічних джерел – 15; мова російська.

Анотація. У статті йдеться про угорські відповідники суфіксальних назв осіб у російській мові. Досліджується взаємозв'язок між наявністю/відсутністю відповідників та ЛСГ, до яких належать мотивуючі слова, як показник мовних особливостей концептуальної організації дериватиконів обох мов.

Ключові слова: назви осіб, російська і угорська мови, кореляти лакунарні та матеріальні у мотивуючих ЛСГ, особливості концептуалізації дериватиконів.

Resume. An article deals with Hungarian correlates for the suffixal names of persons in Russian. An interdependence is investigated between presence/absence of H. correlates and LSG of motivating words – as a marker of peculiarities in the conceptualization of R. and H. derivaticons.

Key words: names of persons, Russian and Hungarian languages, material- and lacuna-correlates in motivating LSG, derivaticons' conceptualization peculiarities.

К постановке вопроса

В данной статье¹ завершается анализ способов выражения названий лиц (НЛ) в русском (РЯ) и венгерском (ВЯ) языках. Русским суффиксальным отсубстантивным, отадективным и девербативным НЛ в ВЯ соответствуют, по данным словарей [13; 14], эквиваленты разного типа и структуры (типовые и нетиповые – они были предметом рассмотрения в наших предыдущих работах [2; 3]) и лакуны – или только для дериватов ВЯ (Д_{ВЯ}) при выраженности мотиваторов (М_{ВЯ}), семантически коррелятивных М_{РЯ}; или для М_{ВЯ} при наличии Д_{ВЯ} (=Д_{РЯ}); или для М_{ВЯ} и Д_{ВЯ} вместе². Таким образом, основным объектом исследования являются коррелятивные словообразовательные пары обоих языков. Содержательно наше исследование значимо как для научной парадигмы контрастного словообразования, так и когнитивной лингвистики (КЛ) (со статусом новой лингвистической науки [5: 3]), в частности, для ее области, ведающей сопоставлением концептуальных основ ЯКМ в различных языках.

¹ С точки зрения базы фактического материала [9–15] и использованной методики, она относится к категории исследований статического («традиционного»), а не динамического («перспективного») словообразования, или словообразования в собственном смысле слова; тем не менее, продуктивное изучение последнего невозможно без опоры на сложившиеся в «традиционном» словообразовании понятия, единицы и методику.

² Крайне редко в ВЯ отсутствует М при наличии Д (=Д_{РЯ}). По нашему мнению, это – недосмотр составителей словарей, т.к. подобные Д_{ВЯ} так же выражают СЗ лица, что и другие, мотивирующие которых относятся к тем или иным ЛСГ и фиксируются словарями. Больше всего нулевых М_{ВЯ} отмечено в массиве НЛ-отсубстантивов на месте М_{РЯ}, которые называют явления ментальной жизнедеятельности: меломания → меломан ↔ ∅ – *zene-rájongó* = Д_{РЯ} (< *zene* «музыка» + *rájongó* «обожатель»), энциклопедизм → энциклопедуцм ↔ ∅ – *enciklopédista* = Д_{РЯ}, баптизм → баптуцм ↔ ∅ – *baptista*, монархизм → монархист ↔ ∅ – *monarchista* и др.

«Сопоставление картин мира, – говорит Е.В. Рахилина, – как раз и есть та задача, которую решают исследователи, работающие в области когнитивной семантики» [6: 372]. Контрастное же изучение способов и средств выражения словообразовательных значений (СЗ) в разных языках имеет самостоятельную ценность и значимость для КЛ. Ведь именно «производная лексика позволяет закрепить и вербализовать концептуальные объединения, появившиеся в актах познания и оценки мира» [1: 131]. По мнению Е.С. Кубряковой, «каждый способ словообразования связан с выполнением особого ономаσιологического задания» и «типологические различия языков в сфере способов осуществления морфологической деривации и вскрывающие специфику распределения неких значений по грамматическим или же деривационным (словообразовательным) категориям, оказываются тем самым существенными для характеристики языковых картин мира в сопоставляемых языках» [4: 158]. Когнитивный аспект словообразования отражен и в таком замечании: «специфика его описания в целях реконструкции наивной модели мира состоит в выяснении причин словообразовательной выраженности, а значит и актуальности для носителей языка определенных элементов внеязыковой действительности» [8: 75].

Итак, наличие лакун в одном из сопоставляемых языков, коррелятивных материально выраженным значениям (СЗ) в другом языке, является важным показателем структуризации ЯКМ в этих языках в области их дериватиконів. Лакуны как факт языка не менее значимы, чем формально выраженные значения. Если «система языка может быть представлена как организованная совокупность единиц («клеток»), одни из которых лексически реализованы (заполнены), а другие возможны, но не реализованы (пустуют) и представляют собой закономерные (выделено мной. – А.В.) лаку-

ны в системе языка» [7: 269], – то они, эти нереализованные единицы, составляют равноправную по отношению к реализованным часть описания организации языковой системы в пределах того или иного уровня [там же, 270-271]. Лакуны служат не менее ярким показателем идиоматичности ЯКМ в языках, идиоматичности коллективного языкового сознания их носителей, чем материальные расхождения между соотносимыми языковыми фактами и явлениями.

Соотношение соответствий и лакун в НЛ ВЯ – in toto

Закономерный или случайный факт наличия лакун в области производных НЛ_{ВЯ} на фоне суффиксальных НЛ_{РЯ} может быть подтвержден количественным соотношением их и материально выраженных соответствий в проекции на определенные ЛСГ мотивирующих их существительных, прилагательных и глаголов (список ЛСГ последних составлен на базе [11]) в обоих языках. Для описания специфики концептуализации деривационных ЯКМ в обоих языках, очевидно, более значимо наличие лакунарных НЛ_{ВЯ} на месте со-

ответствующих НЛ_{РЯ} при наличии в обоих языках эксплицитных М, – т.к. именно в этом случае отражается нереализованный в ВЯ словообразовательный потенциал в характеристике лица по мотивирующим признакам ‘предмет’, ‘качество’, ‘процесс’, – чем на месте и дериватов, и мотиваторов одновременно.

Таким образом, нами исследуются три массива русско-венгерских корреляций типа (1) $D_{РЯ} \leftrightarrow \emptyset (D_{ВЯ})$ при $M_{ВЯ} = M_{РЯ}$ и (2) $M_{РЯ} \rightarrow D_{РЯ} \leftrightarrow \emptyset (M_{ВЯ}/D_{ВЯ})$, возглавляемых русскими суффиксальными НЛ-отсубстантивами, отадъективами и девербативами (в дальнейшем обозначаемых как **А**, **Б** и **В**). Примеры: (1) **А**. *Гипертония* → *гипертоник* ↔ *hipertónia* ($M_{ВЯ} = M_{РЯ}$) – $\emptyset (D_{ВЯ})$. **Б**. *Жадный* → *жадина* ↔ *fukar* ($M_{ВЯ} = M_{РЯ}$) – $\emptyset (D_{ВЯ})$. **В**. *Перераста* → *переросток* ↔ *túlnöni* ($M_{ВЯ} = M_{РЯ}$) – $\emptyset (D_{ВЯ})$. (2) **А**. *Акмеизм* → *акмеист* ↔ $\emptyset (M_{ВЯ}/D_{ВЯ})$. **Б**. *Смежная* (отрасль) → *смежник* ↔ $\emptyset (M_{ВЯ}/D_{ВЯ})$. **В**. *Циклевать* → *циклещик* ↔ $\emptyset (M/D_{ВЯ})$.

Количественные данные о (лакунарных) нулевых НЛ_{ВЯ} обоих видов на месте русских суффиксальных НЛ можно представить в виде таблицы:

Венгерские корреляты для НЛ РЯ	НЛ РЯ – отсубстантивы (А): 1479 ³	НЛ РЯ – отадъективы (Б): 419	НЛ РЯ – девербативы (В): 1111
Типовые соответствия (универбы разной структуры)	624	150	473
Нетиповые соответствия	154	135	140
Лакуны:	681:	131:	498:
– на месте $D_{ВЯ}$	522	103	455
– на месте $M_{ВЯ}$ и $D_{ВЯ}$	159	28	43

В процентном выражении:

Соответствия	778 ≈ 54 %	288 ≈ 69 %	613 ≈ 55 %
Лакуны	681 ≈ 46 %	131 ≈ 31 %	498 ≈ 45 %

Приведенные в таблице данные наводят на следующие размышления. Поскольку в массивах корреляций видов **А**, **Б** и **В**, возглавляемых русскими суффиксальными НЛ, отсутствие $D_{ВЯ}$ (при наличии материальных или нулевых $M_{ВЯ}$), характерно для всех или почти всех ЛСГ, то на этом фоне сам факт наличия в них типовых и нетиповых соответствий в ВЯ для $D_{РЯ}$ не выглядит закономерным. Выраженность значения субъекта-лица в трех массивах корреляций количественно хотя и преобладает в целом над невыраженностью, но, как показано во второй части таблицы, в массивах **А** и **В** очень незначительно. По сравнению с ними большее количество в ВЯ примеров охарактеризованности субъекта по мотивирующему признаку ‘качество’, чем лакун, в массиве **Б** явно свидетельствует, как это ни неожиданно, о большей значимости данной характеристики перед двумя другими – ‘предмет’ и ‘процесс’, хотя количество суффиксальных НЛ ВЯ здесь ничтожно, а львиную долю составляют субстантиваты, композиты и анализы (см.: [2; 3]). Однако внутри всех трех массивов в рамках отдельных семантических подтипов образующих их

ЛСГ соотношение величин, отражающих, с одной стороны, материальную выраженность, а с другой – невыраженность значения лица весьма различно и заслуживает специального рассмотрения в качестве показателя степени актуальности значения лица в отдельных семантических подтипах мотиваторов для концептуальной специфики дериватикона ВЯ.

Соотношение соответствий и лакун в НЛ ВЯ – in specie

Представим соотношение материально выраженных соответствий ВЯ и лакун для суффиксальных русских НЛ в пределах каждого из массивов в виде дроби и сравним полученные величины в проекции на отдельные ЛСГ и их семантические подгруппы. Разные величины числителей в коррелятах ВЯ отражают степень охарактеризованности, т.е. значимости, в рамках отдельных семантических подгрупп значения лица в проекции на РЯ. Чем числитель выше знаменателя, тем характеристика субъекта в языке по данному мотивирующему признаку значимее и тем частотнее (активнее) она выражается материально.

А. В корреляциях, возглавляемых НЛ_{РЯ}-отсубстантивами, количество лакун в ВЯ превышает материальное выражение значения субъекта почти в половине всех (32) ЛСГ мотивирующих существ-

³ В это количество не вошли нулевые $M_{ВЯ}$ (при наличии $D_{ВЯ} = D_{РЯ}$).

вительных, т.е. знаменатели дробей выше числителей. В тех же случаях, когда числитель выше знаменателя, то не столь существенно (в 1,2-3 раза). Явное преобладание материального выражения СЗ лица отмечается в ряде семантических подгрупп ЛСГ «Явление» – ‘природа’, ‘мировоззрение’, ‘общество’: *садизм* → *садуцм* ↔ *szadizmus* → *szadista*, *фавор* → *фаворум* ↔ *kegy* → *kegyenc*, *пацифизм* → *пацифуцм* ↔ *pacifizmus* → *pacifista*, *стоицизм* → *стоик* ↔ *szoicizmus* → *szoikus*, *диета* → *диетук* ↔ *dieta* → *dietás*, но: *алименты* → *алиментуцк* ↔ *tartásdíj* (=M_{ря}) – Ø, *прагматизм* → *прагматук* ↔ *pragmatizmus* (=M_{ря}) – Ø, *деизм* → *деуцм* ↔ *deizmus* (=M_{ря}) – Ø и др. и в ЛСГ «Наука»: *романистика* → *романуцм* ↔ *romanisztika* → *romanista*, *логика* → *логик* ↔ *logika* → *logikus*, но *синтаксис* → *синтаксуцм* ↔ *szintaxis* (=M_{ря}) – Ø. Материальная выраженность значения лица также преобладает в ЛСГ «Искусство», «Спорт», «Институция», «Болезнь», «Тело» и «Коллектив».

С другой стороны, в целом ряде ЛСГ (=подтипов) соотношение числителей и знаменателей одинаково или почти одинаково, как, например, в ЛСГ «Явление» – подтипы ‘культура’ (15/15) и ‘религия’ (6/5): *буддизм* → *буддуцм* ↔ *buddhizmus* → *buddhista*, *стиль* → *стилуцм* ↔ *stílus* → *stílista*, но: *ислам* → *исламуцм* ↔ *iszlám* (=M_{ря}) – Ø, *реклама* → *рекламуцм* ↔ *reklám* (=M_{ря}) – Ø; или в ЛСГ «Предмет» – ‘пища’ (12/14), ‘быт’ (33/34), ‘инструмент’ (6/8): *вафля* → *вафельуцк* ↔ *ostya* → *ostya-sütő*, *мебель* → *мебельуцк* ↔ *bűtor* → *bűtorkészítő*, *стрелка* → *стрелочник* ↔ *váltó* → *váltóór* и др., но: *конфета* → *конфетчик* ↔ *sikorka* (=M_{ря}) – Ø, *рама* → *рамуцк* ↔ *keret* (=M_{ря}) – Ø и др. Эти данные свидетельствуют о том, что в соответствующих ЛСГ выраженность значения лица в ВЯ по сравнению с другими ЛСГ не столь актуальна.

Б. Совсем иное соотношение соответствий и лагун наблюдается в передаче венгерским языком значения лица суффиксальных НЛ_{ря}-отадъективов. В подавляющем большинстве ЛСГ (16 из 18) числители выше знаменателей в 1,5-6 раз: ВЯ охотно характеризует лицо по мотивирующему признаку ‘качество’, отражающему поведение, физические, интеллектуальные и нравственные черты, профессиональную и ментальную деятельность субъекта. Примеры: *ленивый* → *лентяй* ↔ *lusta* (М и Д-субстантиват), *нейтральный* → *нейтрал* ↔ *semleges* (М и Д_{subst}), *глухой* → *глупец* ↔ *buta* (М и Д_{subst}), *слепой* → *слепец* ↔ *vak* (М и Д_{subst}), *латинский* → *латинуцм* ↔ *latin* → *latinista* и мн. др., но: *незаконный* → *незакон* ↔ *illegális* (=M_{ря}) – Ø, *вечернее* → *вечерник* ↔ *esti* (=M_{ря}) – Ø, *ревнивый* → *ревнивец* ↔ *féltékeny* (=M_{ря}) – Ø, *грязный* → *грязнуля* ↔ *pizkos* – Ø и др.

В. В массиве корреляций, возглавляемых НЛ-девербативами РЯ, картина примерно та же, что в массиве А. В 57 ЛСГ (из 91) числитель выше знаменателя, но лишь в половине этого количества он его превышает более чем в 1,4 раза. В целом ряде ЛСГ выраженность значения лица в венгерских коррелятах НЛ РЯ безусловно преобладает над

лакунарностью; в подобных случаях знаменатели дробей (лакуны) равны 0 или 1. Это, например, ЛСГ «Говорение» (5/1): *льстить* → *льстец* ↔ *hízelegni* → *hízélgő*, *суфлировать* → *суфлёр* ↔ *súgni* → *súgő*; «Социальные отношения» – ‘руководство’ (6/1): *страховать* → *страховщик* ↔ *biztosítani* → *biztosító*, *гарантировать* → *гарант* ↔ *jótállni* → *jótálló* и ‘подчинение’ (11/0): *поработить* → *поработитель* ↔ *leigázni* → *leigázó*, *угнетать* → *угнетатель* ↔ *elnyomni* → *elnyomó*; «Социальная деятельность» – ‘воспроизведение’ (10/0), ‘противодействие’ (7/0), ‘использование’ (14/1): *невеж* ↔ *énekelni* → *énekes*, *маневать* → *манюор* ↔ *táncolni* → *táncos*, *бороться* → *борец* ↔ *küzdeni* → *küzdő*, *бунтовать* → *бунтовщик* ↔ *lázadni* → *lázadó*, *потреблять* → *потребитель* ↔ *fogyasztani* → *fogyasztó*, *нанимать* → *наниматель* ↔ *bérelni* → *bérlő*; 5 семантических подтипов ЛСГ «Владение»: *покупать* → *покупатель* ↔ *vásárolni* → *vásárló*, *похитить* → *похититель* ↔ *elrabolni* → *elrabló*, *продавать* → *продавец* ↔ *eladni* → *eladó* и др.

Однако в 1/3 всего количества ЛСГ величины числителей и знаменателей одинаковы или различаются очень незначительно, что означает ослабление выраженности значения лица в этих ЛСГ. Это, в частности, ЛСГ «Физическое воздействие» (3 подтипа): *клепать* → *клепальщик* ↔ *szegecselni* → *szegecselő*, *резать* → *резчик* ↔ *vésni* → *vésnök*, *лудить* → *лудильщик* ↔ *ónozni* → *ónozó*, но: *месить* → *месильщик* ↔ *gyúrni* (=M_{ря}) – Ø, *пилить* → *пилющик* ↔ *fűrészelni* (=M_{ря}) – Ø; «Социальное поведение» (6 подтипов): *растлить* → *растлитель* ↔ *megrontani* → *megrontó*, *надувать* → *надувала* ↔ *csalni* → *csaló*, но: *надоедать* → *надоедала* ↔ *untatni* (=M_{ря}) – Ø, *перегибать* → *перегибщик* ↔ *eltúlozni* (=M_{ря}) – Ø; «Социальная деятельность» (3 подтипа – иные, чем указаны выше): *организовать* → *организатор* ↔ *rendezni* → *rendező*, *представлять* → *представитель* ↔ *képviselni* → *képviselő*, *предать* → *предатель* ↔ *árulni* → *áruló*, но: *разоблачить* → *разоблачитель* ↔ *leleplezni* (=M_{ря}) – Ø, *играть* → *игрун* ↔ *játszani* (=M_{ря}) – Ø; «Функциональное состояние» (2): *истопить* → *истопник* ↔ *fűteni* → *fűtő*, но: *калить* → *кальщик* ↔ *izzítani* (=M_{ря}) – Ø и целый ряд других. В отдельных ЛСГ в совокупности представляющих их семантических подтипов невыраженность значения лица преобладает над выраженностью – «Физическое воздействие», «Звучание», «Социальное поведение», «Помещение объекта» – в последней нет ни одного подтипа, характеризующегося большей величиной числителя.

Соотношение лагун обоих видов

Анализ лакунарных НЛ ВЯ в аспекте выраженности/невыраженности в нем мотивирующих имеет отдельное значение. Для специфики концептуализации деривационных ЯКМ в обоих языках более значимо первое, т.е. примеры типа «Д_{вя}=Ø при М_{вя}≠Ø», т.к. в этом случае отражается нереализованный в языке словообразовательный потенциал в характеристике лица по мотивирующим признакам ‘предмет’, ‘качество’, ‘процесс’,

чем примеры второго типа – «и $D_{ВЯ}$ и $M_{ВЯ} = \emptyset$ ». Соотношение их можно, как и выше, представить в виде дроби, только значение ее составляющих будет здесь иным: числителю приписывается смысл « $D_{ВЯ} = \emptyset$ при $M_{ВЯ} \neq \emptyset$ », знаменателю – «и $D_{ВЯ}$, и $M_{ВЯ} = \emptyset$ ». Сами дроби удобно представить в процентном выражении, которое покажет, каков процент примеров 1-го типа по отношению к примерам 2-го типа в рамках отдельных ЛСГ. Так, для ЛСГ «Явление культуры» (массив А) – соотношение 14/0 – этот процент составляет 100, т.е. в данной ЛСГ не имеется примеров одновременного отсутствия $M_{ВЯ}$ и $D_{ВЯ}$, эквивалентным $M_{РЯ}$ и $D_{РЯ}$ (при наличии примеров типа « $D_{ВЯ} = \emptyset$ при $M_{ВЯ} \neq \emptyset$ »). Соответствующие выражения можно объединить в группы из 10 членов, т.е. 100 % – 90 % (1-я группа), 89 % – 80 % (2-я), 79 % – 70 % (3-я), 69 % – 60 % (4-я), 59 % – 50 % (5-я).

А. В подавляющем большинстве примеров числители значительно выше знаменателей (в 2 – 13 раз). Это означает, что ВЯ, в сравнении с РЯ, «не считает нужным» характеризовать людей по соответствующим предметным признакам, хотя и располагает названиями для них (М). Степень этого «нежелания» для отдельных ЛСГ мотиваторов видна на фоне величин знаменателей, отражающих отсутствие в этих же ЛСГ и $M_{ВЯ}$ и $D_{ВЯ}$, эквивалентных русским. Так, целый ряд семантических подтипов ЛСГ «Явление» и «Предмет» (всего 9), а также ЛСГ «Тело» и «Животные», относятся к 1-й из вышеуказанных групп – т.е. для ВЯ характеристика лиц по соответствующим субстанциональным признакам (которые, однако, не используются в качестве производящей базы для НЛ) весьма актуальна, – примеры, ввиду ограниченного объема статьи, не приводим. Несколько меньшим количеством ЛСГ представлена 2-я группа («Болезнь», «Искусство», «Место», «Предмет» – 3 подтипа) и т.д. И лишь в ЛСГ «Субъект» знаменатель больше числителя, из чего следует, что случаев одновременного отсутствия в ВЯ эквивалентов для $D_{РЯ}$ и мотивирующих их названий персон больше, чем отсутствия лишь $D = D_{РЯ}$. Очевидно, что соответствующие $M_{РЯ}$ выступают по отношению к ВЯ как безэквивалентная лексика с неизвестным, для обыденного сознания, референтом (типа *чапаевец, суворовец*).

Б. В данном массиве, как и в предыдущем, числители выше знаменателей, в отдельных случаях, как в ЛСГ «Личность» (3 подтипа), в 20 раз. Это означает, аналогично, что возможность характеристики субъекта по мотивирующему признаку («качество») при названности последнего и в этом случае в ВЯ не реализуется. Соотношение нулевых $D_{ВЯ}$ обоих видов, относящееся к 1-й группе (100 % – 90 %), здесь также представлено большим, чем в других группах, количеством мотивирующих ЛСГ (8 – из них ряд подтипов ЛСГ «Профессия»).

В каком из этих двух массивов степень «нежелания» ВЯ характеризовать лицо по потенциально мотивирующим признакам выше? Очевидно, в том, где величина соотношения количества ЛСГ с числителями от 60 % до 100 % больше количест-

ва ЛСГ с числителями от 0 до 59 %. В массиве А (отсубстантивы) оно составляет 29 и 3; в массиве Б (отадъективы) – 15 и 3. Т.е. «умалчивание» характеристики субъекта по мотивирующему признаку в А (предметность) почти в 10 раз превышает отсутствие такой характеристики ввиду отсутствия самого мотивирующего признака, тогда как в Б (неохарактеризованность по качественному признаку) эта величина вдвое меньше – 5. Таким образом, ВЯ «предпочитает» не характеризовать субъект-лицо по предметным признакам больше, чем не характеризовать его по признакам качественным.

В. В корпусе лакунарных, на фоне РЯ, $D_{ВЯ}$ обоих вышеуказанных видов преобладают, в подавляющем большинстве случаев, первые, когда $M_{ВЯ} \neq \emptyset (=M_{РЯ})$; числители дробей выше знаменателей более чем в 3 раза. Неохарактеризованность субъекта по соответствующему действию имеет место почти во всех семантических подгруппах ЛСГ. В данном массиве, в отличие от двух предыдущих, встречаются подгруппы с характеристикой типа 0/0, т.е. такие, когда в ВЯ отсутствуют нулевые Д обоих видов. Иными словами, в ВЯ в подобных случаях имеются лишь соответствия, типовые и нетиповые, для $D_{РЯ}$ – НЛ. Таких подгрупп немного (10 из 91 ЛСГ); из них выделяются 5 семантических подгрупп ЛСГ «Владение» ('отчуждение', 'приобретение', 'компенсация' и др.), которые, очевидно, представляются обыденному языковому сознанию как очень существенные, в качестве мотивирующих признаков, для характеристики по ним лица. Очень яркой чертой данного массива, далее, является то, что в нем отмечено всего 4 ЛСГ, в которых числитель ($D_{ВЯ} = \emptyset$ при $M_{ВЯ} \neq \emptyset$) ниже знаменателя (и $D_{ВЯ}$, и $M_{ВЯ} = \emptyset$). В остальных 87 подгруппах ЛСГ он так или иначе выше последнего. Т.е. в сфере отглагольных НЛ ВЯ лакунарных $D_{ВЯ}$, как следствия нереализованного словопроизводственного потенциала языка, на месте $D_{РЯ}$ в коррелятивных словообразовательных парах гораздо больше, чем при отсутствии этого потенциала (когда и $D_{ВЯ}$, и $M_{ВЯ} = \emptyset$). В этом плане особенно обращает на себя внимание ЛСГ «Физическое воздействие» (10 семантических подгрупп) – 108/12, на основании чего можно заключить, что отсутствие в ВЯ характеристик лица (Д) по соответствующим действиям при наличии для них эксплицитных названий (М) в качестве потенциальной базы наименований может, на фоне РЯ, квалифицироваться как своего рода «прихоть» ВЯ, не рассматривающего эти характеристики (действия) как существенные.

Выводы

Лакуны обоих видов ($D_{ВЯ} = \emptyset$, $M/D_{ВЯ} = \emptyset$) встречаются во всех ЛСГ (и их подгруппах) мотивирующих всех трех массивов русско-венгерских корреляций. Однако соотношение тех и других заметно различается в пределах каждого из массивов. Так, в отсубстантивах и отадъективах нулевых $D_{ВЯ}$ примерно в 4 раза больше, чем лакун второго вида, в то время как в массиве девербативов их больше в 10 раз. Здесь обращают на себя внимание ЛСГ физического воздействия и помещения объекта; по

каким-то причинам ВЯ в целом ряде случаев «не чет» характеризовать субъект по соответствующим действиям.

В целом же в ВЯ характеристика субъекта по мотивирующим признакам 'предмет', 'качество' и 'процесс' преобладает над неохарактеризованностью. Но это преобладание заметно разнится в указанных трех массивах корреляций (А, Б и В). В массиве отадъективных корреляций соотношение соответствий (типовых и нетиповых) и лакун в ВЯ различается почти в 2 раза. В двух других массивах разница между количеством соответствий и лакун совсем невелика и, что неожиданно, практически одна и та же (отсубстантивы: 54 % и 46 %, deverбатов: 55 % и 45 %), а из этого следует вывод, что характеристика субъекта в ВЯ по предметным

и процессуальным мотивирующим признакам не столь актуальна по сравнению с качественной его характеристикой.

Эти данные не противоречат факту, что при наличии возможности характеристики субъекта по указанным мотивирующим признакам, когда в ВЯ имеются эквиваленты для $M_{ря}$, соответствующие производные НЛ в нем отсутствуют; причем таких случаев гораздо больше, по сравнению с отсутствием $D_{вя}$ по объективной причине – ввиду отсутствия $M_{вя}$ ($=M_{ря}$). Это явление отмечается во всех трех массивах русско-венгерских корреляций и имеет характер общей тенденции ВЯ, «концептуального маркера» в области морфологической деривации – неразвитость соответствующего фрагмента (НЛ) в поле его отыменного словообразования, по сравнению с РЯ.

Литература

1. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Л.В. Бабина. – Когнитивные исследования языка. – Вып. IV: Концептуализация мира в языке. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2009. – С. 128-149.
2. Виноградов А.А. Русские суффиксальные наименования лиц и их типовые соответствия в венгерском языке // А.А. Виноградов. – Науковий Вісник Ужгородського національного університету. – Серія: Філологія. – 2010. – Випуск 22. – С. 92–100.
3. Виноградов А.А. Нетиповые соответствия в передаче венгерским языком русских суффиксальных наименований лиц // Виноградов А.А. – Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). – Ужгород, 2010. – Випуск 14. – С. 20-25.
4. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Е.С. Кубрякова. – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141-172.
5. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Е.С. Кубрякова. – Известия РАН. Серия литературы и языка. – М., 2004. – Т. 63. – № 3. – С. 3-12.
6. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Е.В. Рахилина. – Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 370-389.
7. Улуханов И.С. О лакунах в системе языка // И.С. Улуханов. – Словарь. Грамматика. Текст: Сборник статей. – М.: Отделение литературы и языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. – С. 269-279.
8. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И.С. Улуханов. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 314 с.

Словари

9. Венгерско-русский словарь / Отв. ред. Л. Гальди. – М. – Будапешт: Изд. АН СССР – Изд. Академии наук Венгрии, 1974. – 1116 с.
10. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение / А.А. Зализняк. – М.: Русский язык, 1977. – 879 с.
11. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник / Под общ. ред. Т.В. Матвеевой. – Свердловск: Изд. Уральского ун-та, 1988. – 153 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Русский язык, 1985-1988.
13. Gáldi L. Orosz-magyar szótár. – Budapest: AK, 1974. – 872 old.
14. Hadvics L., Gáldi L. Orosz-magyar szótár. – I, II k. – Budapest: AK, 1989.
15. Magyar értelmező kéziszótár / Lekt. J. Garamvölgyi. – Budapest: AK, 1972.

Виноградов Анатолий Олексійович – доктор філологічних наук Російської Федерації, професор кафедри російської мови УжНУ.